Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 16, Is. 1, pp. 153–164, 2024
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-153-164

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ЛИНГВИСТИКА

УДК / UDC 81’ 42:811.512.37
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-153-164

Концепт «степь» в романе-хронике А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын»

Галина Борисовна Есенова[1]

[1] Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. им. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, ведущий специалист
0009-0004-3001-0100. E-mail: esenovagalina93[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2024
© Есенова Г. Б., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена концепту «степь», имеющему важное значение для картины мира калмыков. Цель статьи — изучение реализации концепта «степь» в художественном тексте. Задачи: а) выделение и сравнение значений вербализаторов концепта «степь» в русском и калмыцком языках; б) анализ репрезентации концепта «степь» в тексте романа-хроники А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын». *Материал:* текст романа-хроники А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын», написанный на русском языке в 1925 г. *Методы* исследования: лексико-семантический и контекстуальный анализ языковых единиц, сравнительный анализ языковых данных. *Результаты.* Вербализаторами концепта «степь» в русском языке являются лексемы «степь» и «поле», в калмыцком — *тег*, *көдә, кеер*. Общими семами актуализаторов концепта «степь» в русском и калмыцком языках являются ‘обширность’, ‘бескрайность’, ‘пустынность’. *Выводы.* В тексте романа-хроники используются разнообразные изобразительно-выразительные средства русского языка, раскрывающие характерные признаки концепта «степь». «Степь» описывается как тип местности, для которого характерны обширность, бескрайность, пустынность, однообразие. Безлюдное, огромное, необжитое степное пространство способствует образованию в сознании героя чувства одиночества, ненужности, заброшенности, влияет на его мироощущение. Это дает основание считать, что в романе-хронике А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» «степь», осмысленная художественно, становится топосом, отражающим психологическое состояние героя.

Ключевые слова: калмыки, концепт «степь», роман-хроника А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын»

Благодарность. Исследование подготовлено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Аксиологический аспект картины мира калмыков» (№ 23-28-00790, https://rscf.ru/project/23-28-00790/).
Для цитирования: Есенова Г. Б. Концепт «степь» в романе-хронике А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 1. С. 153–164. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-153-164

The Concept of "Steppe" in the Novel-Chronicle by A. M. Amur-Sanan "Mudreshka's Son"

Galina B. Esenova[1]

[1] B. B. Gorodovikov Kalmyk State University (11, A. S. Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Leading Specialist
0009-0004-3001-0100. E-mail: esenovagalina93[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023
© Esenova G. B., 2023

Abstract. *Introduction*. The article is devoted to the concept of "steppe", which is important for the Kalmyks' worldview. The *purpose* of the article is to study the implementation of the concept of "steppe" in a literary text. *Tasks*: a) identification and comparison of the meanings of the verbalizers of the concept "steppe" in the Russian and Kalmyk languages; b) analysis of the representation of the concept «steppe» in the text of the novel-chronicle by A. M. Amur-Sanan "Mudreshka's Son". *Material:* the text of the novel-chronicle by A. M. Amur-Sanan "Mudreshka's Son", written in Russian in 1925. Research *methods*: lexical and semantic analysis of linguistic units, comparative analysis of the linguistic data obtained. *Results.* The verbalizers of the concept of "steppe" in Russian are the lexemes "steppe" and "field", in Kalmyk — *teg*, *köödä*, *keer*. Common semes of the concept actualizers in the Russian and Kalmyk languages are 'vastness' and 'desolation'. *Conclusions.* The text of the chronicle novel uses a variety of visual and expressive means of the Russian language, revealing the characteristic features of the concept "steppe". "Steppe" is described as a type of terrain characterized by vastness, desolation and monotony. Such a deserted, boundless, uninhabited space contributes to the formation of a feeling of loneliness, uselessness, abandonment in the hero's mind, affects his psychological state. This gives reason to believe that in the chronicle novel by A. M. Amur-Sanan "Mudreshka's Son", "steppe", artistically meaningful, becomes a topos that affects the psychological state of the hero.
Keywords: Kalmyks, the concept of "steppe", the novel-chronicle of A. M. Amur-Sanan "Mudreshka's son"
Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-28-00790 «Axiological aspect of the Kalmyks' worldview».
For citation: Esenova G. B. The Concept of "Steppe" in the Artistic Space of the Novel-Chronicle by A. M. Amur-Sanan "Mudreshka's Son". .*Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16 (1): 153–164. (In Russ.). DOI: DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-153-164

1. Введение

Необходимость изучения концепта «степь» в творчестве основоположника современной калмыцкой литературы А. М. Амур-Санана обусловлена несколь-

кими причинами. Во-первых, степь, будучи местом проживания калмыков, занимает важное место в языковой картине мира калмыцкого народа. Именно поэтому к теме степи обращаются многие калмыцкие писатели. Так, степь осмысливается в культурно значимых текстах калмыцкой литературы: повести А. М. Амур-Санана «В степи» [Амур-Санан 1987а: 203–333], романе-хронике «Мудрешкин сын» [Амур-Санан 1987б: 15–203], романах А. Б. Бадмаева «Зултурган — трава степная» [Бадмаев 1987], А. Э. Тачиева «Мать солдата» [Тачиев 1981], К. Э. Эренджeнова «Береги огонь» [Эренджeнов 1986] и др., в стихотворениях Д. Н. Кугультинова «Как ты прекрасна, степь моя, в апреле!» [Кугультинов 2002: 127], «Зов родного края» [Кугультинов 1997: 34], С. К. Каляева «Мое счастье» [Каляев 2009: 183], Д. Насунова[1] «Здесь ты не встретишь броской красоты» [Насунов 2017: 27], Б. Б. Сангаджиевой «Степь моя» [Сангаджиева 2009: 222], Х. Б. Сян-Белгина «Родная степь» [Сян-Белгин 2009: 191], М. . Хонинова «Им снилась степь в раздолье ковыля» [Хонинов 2010: 179], поэме А. И. Сусеева «Сын степей» **[Сусеев** 1962: 3–151] и др. Во-вторых, концепт «степь» влияет на формирование индивидуальной картины мира писателей, определяя художественное своеобразие их творчества, особенности психологического портрета персонажей, как, например, в рассказе О. Л. Манджиева «Скачки» [Есенова 2018: 143–159]. В-третьих, значительна роль степи в произведениях А. М. Амур-Санана: не случайно степь вынесена в заглавие его оставшейся незаконченной повести «В степи», которую писатель планировал развить в масштабный художественный роман о калмыках.

Сказанным объясняется наше обращение к исследованию концепта «степь» в знаковом для калмыцкой литературы и творчества А. М. Амур-Санана произведении — романе-хронике «Мудрешкин сын», посвященном жизни калмыков в исторически переломную эпоху (конец XIX – начало XX вв.), период ломки старого родового уклада и становления новой жизни.

2. Материал и методы исследования

Материал исследования — текст романа-хроники А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын», написанный на русском языке в 1925 г. Методы исследования: лексико-семантический и контекстуальный анализ языковых единиц, сравнительный анализ языковых данных.

3. Анализ средств объективации концепта «степь»

3.1. Вербализация концепта «степь» в русском языке

Роман-хроника «Мудрешкин сын» написан на русском языке, поэтому прежде всего необходимо изучить семантику вербализаторов концепта «степь» в русском языке. Мы исходим из результатов, которые были получены предшественниками в ходе лексико-семантического анализа актуализаторов концепта на базе имеющихся лексикографических источников русского языка. Было установлено, в частности, что концепт «степь» определяется как «обширная безлесная равнина, покрытая травянистой растительностью и характеризующаяся: 1) обширностью, горизонтальной протяженностью вдаль и вширь; 2) отсутствием границ, бескрайностью; 3) пустынностью, незагроможденностью пространства» [Маслакова 2009: 125–126].

[1] Джангар Насунов — литературный псевдоним В. И. Насунова.

3.2. Вербализация концепта «степь» в калмыцком языке

Вместе с тем необходимо учитывать то, что автором текста является калмык-билингв, для которого материнским языком был калмыцкий, а русский язык стал средством художественного творчества. В связи с этим нами были рассмотрены значения лексем, актуализирующих концепт «степь» в калмыцком языке.

По данным Словаря синонимов калмыцкого языка, синонимами слова *тег* являются *кеер*, *көдә* [ССКЯ 2002: 93]. К средствам объективации концепта «степь» Словарь языка ойратов Синьцзяна относит и лексему *тала* [СЯОС 2001: 310]. В родственных калмыцкому бурятском и монгольском языках в лексеме *тала* выделяются значения ‘поле’, ‘степь’, ‘равнина’, ‘открытое пространство’ [БРС 2010: 224; БАМРС 2001: 1234]. По данным словарей калмыцкого языка, в лексеме *тала* не регистрируется значение ‘степь’, а выделяются семы ‘открытое пространство, поле’, ‘равнина’ [КРС 1977: 473; ТСКЯ 2020: 284; ТСКЯ 2022: 134]. Основываясь на данных словарей калмыцкого языка, мы не относим к средствам объективации концепта «степь» лексему тала.

3.2.1. *Тег*

Лексикографические источники калмыцкого языка определяют значения лексемы *тег* следующим образом: ‘степь’, ‘поле’ [КРС 1977: 488]; ‘широкая, ровная местность’, ‘пустынная местность’ [ТСКЯ 2020: 294]; ‘широкая, ровная местность’, ‘пустынная *местность’, ‘*степь’, ‘поле’ [ТСКЯ 2022: 162]. В языке ойратов Синьцзяна слово *теег* имеет значения ‘степь’, ‘поле’ [СЯОС 2001: 321]. Этимологический словарь монгольских языков не дает соответствий слова *тег* в других монгольских языках, приводит лишь калмыцкое имя существительное, которое гипотетически возводится к «otegeg[2] (*tege[3]-g) калм. *тег* ‘степь’; ‘трава под снегом’» [ЭСМЯ 2018: 159]. Большой академический монгольско-русский словарь приводит следующие значения слова *тээг*: ‘ровная местность’, ‘степь’, ‘пустынное место’ [БАМРС 2001: 1357]. Бурятско-русский словарь под редакцией К. М. Черемисина [БРС 1973] не содержит информацию о данном слове.

3.2.2. *Көдә*

Значения слова *көдә* словарями калмыцкого языка определяются как ‘пустынная местность’, ‘степь’ [КРС 1977: 311]; ‘пустынная местность’, ‘пустынная степь’ [ТСКЯ 2020: 183]; ‘пустынная местность’, ‘степь’, ‘поле’ [ТСКЯ 2021: 435]. В языке ойратов Синьцзяна лексема *көдәә* дефинируется как ‘степь’, ‘поле’, ‘открытая местность’ [СЯОС 2001: 204]. Лексема *көдә* Этимологическим словарем монгольских языков возводится к ködege [*köde-ge?]. В монгольских языках ей соответствуют халх. хөдөө*(н),* бур. *худөө,* калм. *көдә*, даг. *худэ* ‘сельская местность’, ‘периферия’, ‘провинция (не столичная местность)’; ‘сельский’; (первоначально лишь места поблизости от населённых пунктов) ‘степь’, ‘поле’, ‘лес’ [ЭСМЯ 2016: 134].

3.2.3. *Кеер*

Лексикографические источники калмыцкого языка определяют значения лексемы *кеер* как: 1) ‘необжитые, девственные места’, 2) ‘степь’, ‘поле’ [КРС 1977: 289]; ‘пустынная местность’, ‘степь’ [ТСКЯ 2020: 169]; 1) ‘необжитые, девственные места’; 2) ‘степь’, ‘поле’ [ТСКЯ 2021: 400]. В языке ойратов Синь-

цзяна лексема *кеере* имеет значение ‘степь, открытое поле’. Она образует парное слово *кеере-көдәә* с значением ‘безлюдная степь’ [СЯОС 2001: 190]. Согласно Этимологическому словарю монгольских языков, kegere (*kege-r-e — суффикс местного падежа) имеет следующие соответствия в монгольских языках: халх. *хээр*, бур. *хээрэ*, калм. кеер ‘место, удаленное от жилых мест (открытое поле, степь, лес)’. ◊ - Эвк. кэвэр, кэр ‘луг’; ‘степь’; ‘болото с травой и редкими деревьями’; ‘горная тундра’ [ЭСМЯ 2016: 112].

По данным словарей, у вербализаторов концепта «степь» в калмыцком языке, помимо значения ‘степь’, фиксируется значение ‘поле’. В калмыцком языке у актуализаторов концепта «степь», кроме того, выделяется значение ‘тип местности’ с признаками: пустынная ([ТСКЯ 2020: 182; ТСКЯ 2022: 162; ТСКЯ 2021: 435]), широкая ([ТСКЯ 2020: 294; ТСКЯ 2022: 162]), ровная ([ТСКЯ 2020: 294; ТСКЯ 2022: 162]), необжитая ([КРС 1977: 289; ТСКЯ 2021: 400]).

Как установлено исследователями, в русском языке «лексемы „степь“ и „поле“ являются равноправными вербализаторами концепта „степь“» [Маслакова 2009: 124]. В калмыцком языке актуализаторами концепта «степь» являются лексемы *тег*, *кеер*, *көдә*. Общими семами средств объективации концепта в русском и калмыцком языках являются ‘обширность’, ‘бескрайность’, ‘пустынность’. Значение ‘ровная’, которое регистрируется в слове *тег* только в Толковом словаре калмыцкого языка Г. Ц. Пюрбеева, можно считать неосновным. Значение ‘необжитая’, выделенное в лексеме *кеер в* Калмыцко-русском словаре под редакцией Б. Д. Муниева [КРС 1977: 289] и Толковом словаре калмыцкого языка Г. Ц. Пюрбеева [ТСКЯ 2022: 400], по нашему мнению, близко значению ‘пустынная’. Таким образом, можно констатировать сходство толкования значений вербализаторов концепта «степь» в русском и калмыцком языках.

4. Анализ реализации концепта «степь» в романе-хронике А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын»

4.1. Концепт «степь» в художественном тексте

На основе лексико-семантического анализа вербализаторов концепта «степь» в калмыцком языке было установлено, что в основе понимания калмыками данного концепта лежит представление об открытом, ровном, широком, бескрайнем, пустынном, необжитом типе местности, что соотносится с представлением о степи в русском языке. Ниже рассмотрим реализацию концепта «степь» в художественном тексте.

В тексте романа-хроники для обозначения концепта «степь» используются имена существительные «степь», «поле», «пустыня» (редко). При этом в тексте чаще всего употребляется номинант концепта — лексема «степь». Для обозначения принадлежности объектов и субъектов к концептосфере «степь» в тексте используются производные имена степной, степняк, пустынный.

Контекстуальный анализ вербализаторов концепта показывает, что для характеристики объекта при слове «степь» употребляются согласованные определения, обозначающие такие признаки, как цвет: бурая [Амур-Санан 1987б: 38], масштаб: безбрежная [Амур-Санан 1987б: 167], бескрайняя [Амур-Санан 1987б: 149], бесконечная [Амур-Санан 1987б: 47], огромная [Амур-Санан 1987б: 47], просторная [Амур-Санан 1987б: 158], «пустынность»: голая [Амур-Санан 1987б: 38], безлюдная [Амур-Санан 1987б: 38], безжизненная [Амур-Санан

1987б: 140], однообразие: однообразная [Амур-Санан 1987б: 147], чувства: тоскливая [Амур-Санан 1987б: 119], жуткая [Амур-Санан 1987б: 119], безотрадная [Амур-Санан 1987б: 38], милая, родная [Амур-Санан 1987б: 17], настроение: мрачная [Амур-Санан 1987б: 140], этническая принадлежность: калмыцкая [Амур-Санан 1987б: 131]. Как видно, художественное осмысление концепта более емкое, оно шире языкового, представленного в семантике актуализаторов концепта «степь» и в русском, и в калмыцком языках.

В большом количестве контекстов лексема «степь» обозначает тип местности. При этом особенности местности конкретизируются через такие характеристики, как «отсутствие людей»: «Кругом расстилалась безлюдная бурая степь» [Амур-Санан 1987б: 38]; «вытянутость поверхности»: «Как неустойчивы и непоседливы степные кочующие кибитки с живой бахромой скота, как непрочны контуры подвижных барханов родных протяженно-тоскливых степей…» [Амур-Санан 1987б: 119]; «масштаб»: «Степь однообразна, ее просторы бесконечны» [Амур-Санан 1987б: 147]; «Отцы (ламы) уезжали под сень тысячелетий, убежденные, что все же предстоят еще века их владычества над этой бескрайней степью, над травяными угодьями и смиренными головами паствы» [Амур-Санан 1987б: 149]; «Как бы ни был воинственен калмык, все же степные просторы соблазняют колеблющихся…» [Амур-Санан 1987б: 158]; «… безбрежная, покрытая снежным саваном степь» [Амур-Санан 1987б: 167]; «И охотники-калмыки в степных просторах выслеживают как чужих зайцев, так и чужой скот» [Амур-Санан 1987б: 181]; «открытость»: «Пронзительный зимний ветер…и ночевка в голой степи под открытым небом» [Амур-Санан 1987: 155].

В некоторых контекстах реализуется значение «необжитая, безлюдная местность»: «…далекие безжизненные горизонты, случайные всадники…» [Амур-Санан 1987: 140]. В отдельных фрагментах текста лексема «степь» реализует не только значение «необжитая, безлюдная местность», но и значение «стихия»: «Кругом было жутко: безбрежная, покрытая снежным саваном степь. Казалось, небо и земля слились в одну бесформенную переметающуюся серовато-темную массу» [Амур-Санан 1987б: 167]. Отметим, что данное значение является контекстуальным.

Такой признак концепта «степь», как «бескрайность», разнообразно раскрывается в тексте. Используются слова, передающие горизонтальную (вдаль, вширь, во все стороны, далеко, за горизонтом и т. д.), а также вертикальную (ввысь, высоко в небе) протяженность степи. Автор подбирает такие слова, семантика которых передает масштаб степи: «…кругом расстилалась безлюдная бурая степь» [Амур-Санан 1987б: 38], «На горизонте вырисовывались силуэты степных курганов, уходящих в голубую бесконечную даль» [Амур-Санан 1987б: 47]. Помимо согласованных определений, выраженных именами прилагательными с семантикой масштаба (безбрежная, бескрайняя, бесконечная, огромная, просторная), сравнительный оборот («как небо» [Амур-Санан 1987б: 17]), определительное придаточное предложение («где земля с небом сходится» [Амур-Санан 1987б: 22]) передают главную характеристику концепта «степь».

Кроме того, в художественном тексте данный признак может раскрываться и через конструкции, передающие возможность обзора горизонта, благодаря отсутствию природных объектов, которые могли бы препятствовать обзору местности с разных сторон: «Я видел вдали медленно двигавшиеся телеги

крестьян» [Амур-Санан 1987б: 26]; «Вдали, за первой балкой, уже виднелись, словно грибные шапки, ряды калмыцких кибиток» [Амур-Санан1987б: 47].

Бескрайность степи передается не только через лексику с семантикой масштаба, но через употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов в словах, обозначающих объекты степи: «Мы взлетели на небольшую горку» [Амур-Санан 1987б: 192]; «…между маленьким хуторком, состоявшим из двух-трех землянок…» [Амур-Санан 1987б: 195], а также людей («маленькая детская фигурка» [Амур-Санан 1987б: 24]). На фоне степи, «беспредельной, безграничной, необъятной, огромной, уходящей вдаль, туда, где небо сходится с землей», объекты воспринимаются героем как горка, хуторок из двух-трех землянок, а человек — фигурка.

Одним из признаков концепта «степь» является «пустынность», для передачи которого используется соответствующая лексика (голая, безлюдная, безжизненная, пустынная). Этот признак передается через конструкции с семантикой отсутствия («Огромная, безводная, лишенная путей сообщения калмыцкая степь» [Амур-Санан 1987б: 130]; «Калмык жил в степи, в песках, оторванный от людей» [Амур-Санан 1987б: 139]).

На наш взгляд, данный признак сопряжен с значением «однообразие», которое обозначается чаще всего непосредственно через лексему с семантикой однообразия («Степь однообразна, ее просторы бесконечны» [Амур-Санан 1987б: 147]). Степь с ее одним и тем же пейзажем («Дорога становилась все хуже и хуже...Так повторялось в каждой балке. Путь становился все труднее и труднее. Снег по-прежнему все падал и падал» [Амур-Санан 1987б: 25]) способствует монотонности действий героя: «Я продолжал бежать по степи. Манджик продолжал свой путь, а я все бежал и бежал. Он скрылся из виду, а я все продолжал бежать за ним по степи» [Амур-Санан 1987б: 24]. Впечатление однообразия событий, происходящих с героями в степи, образуется и через использование словосочетания «в конце концов»: «…в Манджикинском аймаке, куда мы в конце концов приехали после посещения ряда других аймаков» [Амур-Санан 1987б: 169].

Пустынная, безлюдная степь с ее огромными размерами отражает психологическое состояние главного героя, формируя ощущение «маленького человека»: «Трава была высокая, коровы высокие, а я был маленький… Люди вокруг меня были тоже высокие …» [Амур-Санан 1987б: 26]. Маленький мальчик ищет среди окружающих защитника и находит его в лице Манджика. Не в силах проститься с ним, он бежит один по степи, пытаясь догнать своего защитника: «Он скрылся из виду, а я все продолжал бежать за ним по степи. На мое счастье, тетушка Ботохэ заметила бегущую по дороге маленькую детскую фигурку и вернула меня в родную кибитку» [Амур-Санан 1987б: 24]. Это ощущение сохраняется в подросшем герое, который поступает на работу к князю Гахаеву. Для передачи психологического состояния своего персонажа автор приводит описание обстановки комнаты, в которой оказывается герой, ожидая князя («Наконец мы вошли в очень большую и высокую комнату — высокую-высокую; окна громадные…» [Амур-Санан 1987б: 41]), и называет чувство, возникшее в Антоне в этот момент («Монко ушел и оставил меня одного. Я совсем оробел» [Амур-Санан 1987б: 41]). Для описания состояния «маленького человека» в одном контексте автор использует, с одной стороны, лексику с семантикой масштаба, повтор, а

с другой — слово «один». Благодаря этому, достигается художественная цель — раскрывается психологическое состояние героя.

Масштаб степи формирует в герое, который с детства один в пустынной бескрайней степи пасет чужой скот, чувство одиночества: «Трудно было восьмилетнему ребенку одному в степи пасти целое стадо — свыше полсотни коров» [Амур-Санан 1987б: 26]. Автор передает состояние героя, используя противопоставления: один восьмилетний ребенок — целое стадо, свыше полсотни коров. Огромная степь, заставляющая чувствовать героя «маленьким человеком», и холодное равнодушие окружающих создают в душе Антона чувство «ненужности» («Мы никому не были нужны» [Амур-Санан 1987б: 28]). Чувства одиночества, ненужности, заброшенности усиливаются под влиянием холодной степной непогоды, подталкивая героя принять решение кардинально изменить свою жизнь: «…был холодный пасмурный день. Дул резкий ветер, и шел мокрый снег … Кругом расстилалась голая, безотрадная бурая степь. Я был одинок… Я решился вступить в борьбу с судьбой … уйти искать счастья на чужбине» [Амур-Санан 1987б: 38].

Итак, в художественном тексте концепт «степь» вербализуется через разные языковые средства, которые обозначают тип местности с признаками «пустынный», «бескрайний», «обширный», «необжитой» и т. д. В тексте используются слова и выражения, отражающие индивидуально-авторское осмысление концепта, которые передают чувства и настроение героя, мотивированные степью. Степь отражает на психологическое состояние героя, формирует его мироощущение («маленький человек», «одинокий», «никому не нужный»).

4.2. Средства и приемы реализации концепта «степь»

Для изображения степи А. М. Амур-Санан использует разные лексико-грамматические средства русского языка и изобразительно-выразительные приемы.

Автор создает яркий живой мир степи, изображая степь во всем ее разнообразии. Несмотря на монотонность степного пейзажа, отсутствие на ее поверхности «цепляющих» взор наблюдателя вертикальных объектов в виде гор, деревьев, в изображении А. М. Амур-Санана степь наполнена яркими проявлениями жизни: «…разливалось стрекотанье бесчисленных кузнечиков … звенели жаворонки, краснели и желтели лепестки тюльпанов и светло-голубые петушки ирисов смешивались с пунцовыми и золотистыми цветами…» [Амур-Санан 1987б: 16–17]. Инверсия, однородные члены акцентируют внимание читателя на пробуждении степной природы. Для изображения живого мира степи писатель использует прием синтаксического параллелизма: «Я любовался, наблюдая, как сквозь свежую прозрачную зелень краснели и желтели лепестки тюльпанов и светло-голубые петушки ирисов смешивались с пунцовыми и золотистыми цветами. Я слушал, как вокруг разливалось мелодичное стрекотанье бесчисленных кузнечиков, а высоко в небе переливчато звенели жаворонки» [Амур-Санан 1987б: 17].

Писатель рисует развернутую картину степи, детализируя ее через описания степной флоры, фауны, насекомых, местности, упоминая такие характерные для степной зоны объекты, как балки, дороги, курганы. При этом картина степи не остается неизменной, она меняется. Отмечается амбивалентность образа: он меняется в зависимости от сезона, времени суток, настроения героя.

Особенно живописно изображается весенняя степь. Красочный пейзаж степи создается благодаря подбору лексических, словообразовательных, синтаксических средств. Эпитеты, прием олицетворения образуют поэтический образ весеннего утра: «Степь только что сбросила с широкой груди ночное покрывало. Загорелось синеокое майское утро. Ветерок лениво рассеивал нежный белесый туман. На горизонте вырисовывались силуэты степных курганов, уходящих в голубую бесконечную даль. Влажный ковер степной травы с пестротканым узором полевых цветов одевал землю в светлый наряд» [Амур-Санан 1987б: 47]. Особую роль в описании степи играют повторы, которые усиливают впечатление о необыкновенной красоте степной природы («Кругом — зеленая молодая травка и цветы, цветы…» [Амур-Санан 1987б: 16]). Восхищение красотой пробуждающейся степи передается через риторическое восклицание («Как хороши первые степные цветы!» [Амур-Санан 1987б: 16]). Описание весенней степи окрашено настроением героя, созерцающим красоту весенней степи.

Для изображения картины осенней степи автор использует ряды однородных членов, развернутые определения, метафоры, олицетворение: «Было начало сентября. По выражению калмыков, в это время „наступает ранний период осенней прохлады“*, с нею вместе приходит осенняя дремотная усталость.* Высоко в небе виснет густо насаженная дробная, появляющаяся с первыми осенними сумерками звездная „Плеяда“, *носительница, по нашим поверьям, ключей от зимних холодных ворот. Ночи глубоки и темны. Пестрое небо с тихо мерцающими кострами несчетных звезд уходит бесконечно далеко, но дни продолжают стоять все еще мягкие, нежные, по-осеннему задумчиво-тихие. Усталое от летнего зноя солнце дарит зе*мле прощальный кивок — бабье лето» [Амур-Санан 1987б: 183]. Состояние покоя, отдыха возникает в герое при созерцании осеннего степного пейзажа.

Зимняя степь изображается как безжизненное, мертвое пространство («Кругом было жутко: безбрежная, покрытая снежным саваном степь» [Амур-Санан 1987б: 167]). Такое ощущение создается благодаря употреблению слов с семантикой смерти, ужаса. В одном контексте автор употребляет бессоюзные сложные предложения, которые создают цельность картины степного зимнего пейзажа: «Кругом было жутко: безбрежная, покрытая снежным саваном степь. Казалось, небо и земля слились в одну бесформенную переметающуюся серовато-темную массу» [Амур-Санан 1987б: 167]. В каждом эпизоде, где описывается зимняя степь, используется лексика, создающая неуютную атмосферу угрозы жизни (холод, мороз, стужа, пурга, метель, буран, снег, сугроб, ветер, иней и т.д.).

Итак, автор использует разнообразные лексико-грамматические ресурсы русского языка и изобразительно-выразительные приемы для создания картины степи. Художественный образ степи характеризуется амбивалентностью; благодаря лексическим, словообразовательным, синтаксическим выразительным средствам создается живой мир степи.

5. Заключение

Концепт «степь» в художественном пространстве романа-хроники А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» играет важную роль. «Степь» в тексте раскрывается как местность с характерными признаками «обширность», «бескрайность», «пустынность». Вместе с тем «степь» в романе-хронике обретает

художественное значение, поскольку под ее влиянием формируется психологическое состояние героя: возникают чувства одиночества, ненужности. «Степь» является источником размышлений героя о жизненном пути, поиске счастья — его мироощущения, что дает основание полагать, что в романе- хронике «степь», осмысленная художественно, становится топосом. Описания и степного пейзажа, и объектов степи, и чувств и переживаний героя, выполненные с использованием разнообразных изобразительно-выразительных средств русского языка, в художественном тексте романа-хроники А. М. Амур-Санана «Мудрешкин сын» «оязыковляют» ментальное образование «степь».

Сокращения

бур. — бурятский
даг. — дагурский
калм. — калмыцкий
халх. — халхаский
эвк. — эвенкийский

Источники

Амур-Санан 1987а — *Амур-Санан А. М.* В степи // Мудрешкин сын. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. С. 203–333.

Амур-Санан 1987б — *Амур-Санан А. М.* Мудрешкин сын. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. С. 15–203.

Бадмаев 1987 — *Бадмаев А. Б.* Зултурган — трава степная. М.: Современник, 1987. 452 с.

Каляев 2009 — *Каляев С. К.* Мое счастье // Поэзия Калмыкии: антология. Элиста: Герел, 2009. С. 183.

Кугультинов 1997 — *Кугультинов Д. Н.* Судьба. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1997. С. 34.

Кугультинов 2002 — *Кугультинов Д. Н.* Собрание сочинений в 3 тт. Т. 2. М.: ОГИ, 2002. 127 с.

Насунов 2017 — *Насунов Д.* Здесь ты не встретишь броской красоты // Избранное. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 27.

Сангаджиева 2009 — *Сангаджиева Б. Б.* Степь моя // Поэзия Калмыкии: антология. Элиста: Герел, 2009. С. 222.

Сусеев 1962 — *Сусеев А. И.* Сын степей. Элиста: Калм. гос. изд-во, 1962. 151 с.

Сян-Белгин 2009 — *Сян-Белгин Х. Б.* Родная степь // Поэзия Калмыкии: антология. Элиста: Герел, 2009. С. 191.

Тачиев 1981 — *Тачиев А. Э.* Мать солдата. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 206 с.

Хонинов 2010 — *Хонинов М. В.* Им снилась степь в раздолье ковыля // *Хонинов М. В., Ханинова Р. М.* Стану красным тюльпаном. Элиста: НПП «Джангар», 2010. С. 179.

Эрендженов 1986 — *Эрендженов К. Э.* Береги огонь. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1986. 361 с.

Sources

Amur-Sanan A. M. In the steppe // Mudreshka's Son. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1987. Pp. 203–333. (In Russ.)

Amur-Sanan A. M. Mudreshka's Son. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1987. 203 p. (In Russ.)

Badmaev A. B. Zulturgan — Steppe Grass. M.: Sovremennik, 1987. 452 p. (In Russ.)

Erendzhenov K. E. Take care of the fire. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1986. 361 p. (In Russ.)

Honinov M. They dreamed of a Steppe in the Expanse of a Feather Bed. In: Honinov M. V., Haninova R. M. I will become a Red Tulip. Elista: Dzhangar, 2010. P. 179. (In Russ.)

Kalyaev S. K. My Happiness. In: Poetry of Kalmykia: an anthology. Elista: Gerel, 2009. P. 183. (In Russ.)
Kugultinov D. N. Collected Works in 3 volumes. Moscow: OGI, 2002. Vol. 2. P. 127. (In Russ.)
Kugultinov D. N. Destiny. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1997. 34 p. (In Russ.)
Nasunov D. Here you will not meet Catchy Beauty // *Favorites*. Elista: KalmSC RAS, 2017. P. 27. (In Russ.)
Syan-Belgin Kh. B. Native Steppe // Poetry of Kalmykia: an anthology. Elista: Gerel, 2009. P. 191. (In Russ.)
Sangadzhieva B. B. My Steppe // Poetry of Kalmykia: an anthology. Elista: Gerel, 2009. P. 222. (In Russ.)
Suseev A. I. Son of the Steppes. Elista: Kalmyk State Publishing House, 1962. 151 p. (In Russ.)
Tachiev A. E. The Soldier's Mother. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1981. 206 p. (In Russ.)

Словари

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 тт. Т. 3. М.: Academia, 2001. 437 с.
БРС 2010 — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь: в 2 тт. Т. 2. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. 636 с.
БРС 1973 — *Черемисов К. М*. Бурятско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 804 с.
КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
ССКЯ 2002 — *Монраев М. У*. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 208 с.
СЯОС 2001 — *Тодаева Б. Х*. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
ТСКЯ 2020 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. 444 с.
ТСКЯ 2021 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 тт. Т. 1. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. 574 с.
ТСКЯ 2022 — *Пюрбеев Г. Ц*. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 тт. Т. 2. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. 590 с.
ЭСМЯ 2016 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. Т. 2. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.
ЭСМЯ 2018 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В*. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. Т. 3. М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.

Dictionaries

Cheremisov K.M. Buryat-Russian Dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1973. 804 p. (In Bur. and Russ.)
Large academic Mongolian-Russian Dictionary: in 4 volumes. Vol. 2. M.: Academia, 2001. 506 p. (In Mong. and Russ.)
Large academic Mongolian-Russian Dictionary: in 4 volumes. Vol. 3. M.: Academia, 2001. 437 p. (In Mong. and Russ.)
Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
Monraev M. U. Dictionary of Synonyms of the Kalmyk Language. Elista: Dzhangar, 2002. 208 p. (In Kalm. and Russ.)
Pyurbeev G. Ts. Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language. Elista: Kalm. Univ., 2020. 444 p. (In Kalm. and Russ.)

Pyurbeev G. Ts. Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language: in 2 vols. Vol. 1. Elista: RIA «Kalmykia», 2021. 574 p. (In Kalm. and Russ.)
Pyurbeev G. Ts. Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language: in 2 vols. Vol. 2. Elista: RIA "Kalmykia", 2022. 590 p. (In Kalm. and Russ.)
Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolian Languages: in 3 volumes. Vol. 2. M.: IOS RAS, 2016. 232 p. (In Kalm., Russ., etc.)
Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolian Languages: in 3 vols. Vol. 3. M.: IOS RAS, 2018. 240 p. (In Kalm., Russ., etc.)
Shagdarov L.D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary: in 2 volumes. Vol. 2. Ulan-Ude: Republican Printing House, 2010. 636 p. (In Bur. and Russ.)
Todaeva B. H. Dictionary of the Oirat Language of Xinjiang. Elista: Kalm. Publishing House, 2001. 493 p. (In Oirat, Kalm. and Russ.)

Литература

Есенова 2018 — *Есенова Т. С.* Русский язык в Республике Калмыкия. Элиста: Калм. ун-т, 2018. 358 с.
Маслакова 2009 — *Маслакова Е. В.* Концепт «степь» // Концептосфера А. П. Чехова: сб. ст. / редкол.: Н. В. Изотова (отв. ред.) и др. Ростов н/Д: Южный федеральный ун-т, 2009. 365 с.

References

Esenova T. S. Russian Language in the Republic of Kalmykia. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2018. 358 p. (In Russ.)
Maslakova E. V. Concept “Steppe”. In: Conceptosphere of A. P. Chekhov / N. Izotova et al. (eds.). Rostov-on-Don: Southern Federal University, 2009. Pp. 122–137. (In Russ.)